

Содержание

Вместо предисловия	11
1. Земля кроликов	17
2. Рим нас грабит	21
3. <i>Rosa, rosae</i> . Говорим по-латински	25
4. Рим катится к черту	29
5. Кинжал гота	33
6. И всыпали нам по полной	37
7. Балованное дитя Востока	41
8. Мавры и христиане	45
9. Подвижная граница	49
10. Мавров прибыло	53
11. Герой XI века	57
12. Мясорубка в Лас-Навасе	61
13. Проснись, железо	65
14. Сосуществование — на равных	69
15. Первые интернациональные бригады	73
16. Юные, красивые и хитрые	77
17. Душа дороже тела	81

СОДЕРЖАНИЕ

18. Хамон и сало — обязательны	85
19. Мастерский ход	89
20. Эти великолепные животные	93
21. Говорим по-кастильски	97
22. Когда мы внушали Европе трепет	101
23. Протестанты протестуют	105
24. Король-делопроизводитель	109
25. На ножах с половиной мира	113
26. Турки, англичане и прочие гангстеры	117
27. Золота — мало, серебра — в самый раз	121
28. Эти гениальные сукины дети	125
29. За банкет заплатят мавры	129
30. Оливарес, или Всевластная импотенция	133
31. Гражданская война в Каталонии	137
32. Солнце заходит во Фландрии	141
33. Империя идет с молотка	145
34. Крах — военный и дипломатический	149
35. Иностранщина и тлетворные взгляды	153
36. Изъеди, Просвещение	157
37. Коварный Альбион	161
38. Кое-какие хорошие люди	165
39. И снова мы идем к черту	169
40. Наполеон покажет нам, где раки зимуют	173
41. Дни и годы ярости	177
42. Испанская мясорубка	181
43. Да здравствует Пепа!	185
44. Да здравствуют пугы!	189
45. Абсолютный сукин сын	193
46. Прощай, Америка	197

СОДЕРЖАНИЕ

47. Бог, отечество, король	201
48. Саблисты, деньги и рисковые священники	205
49. Очередное сведение счетов	209
50. В руках героев	213
51. Олигархия держит нос по ветру	217
52. Вихри народные	221
53. Амадей пришел, огляделся и ушел	225
54. Взвалив Первую республику	229
55. Кантональная чехарда	233
56. Вставай, проклятьем заклеянный	237
57. Куда идешь ты, Альфонс XII?	241
58. Скорее кумовья, чем свиньи	245
59. Об урнах и неграмотных	249
60. Без чести и без кораблей	252
61. Буржую и Бурбону – дробь и бомбу	256
62. Там, на земле мавров	260
63. Боевики и их патроны	264
64. <i>Delenda est monarchia</i>	268
65. Политический труп	272
66. И снова эти вечные демократы	276
67. Тень Каина	280
68. Убивали ее все скопом	284
69. А умерла она одна	288
70. Астурия, любимая родина	292
71. Бег к пропасти	296
72. Сколько вранья и сколько дерьма	300
73. Красные и националисты	304
74. Ужасы тыла	308
75. И в хвост и в гриву	312

СОДЕРЖАНИЕ

76. Берлин—Рим—Москва	316
77. Огнем и кровью	320
78. Не мир, но победа	323
79. Единая, великая и свободная, но не слишком	327
80. Разгромленные, но не сломленные	331
81. Испанцы в России	335
82. Одни-одинешеньки	339
83. Новые хозяева	343
84. Грех есть преступление	347
85. Франко отмывают	351
86. Война, о которой молчали	355
87. Ветры свободы	359
88. Франкизм в тупике	363
89. Гаснет лампада Эль-Пардо	368
90. В конечном счете — Испания	372
91. Заткнулись, мать вашу!	376
92. Печальный эпилог... или нет?	380
Словарь имен и основных сражений	384

Вместо предисловия

«Этот дух строптивости особенно усилился среди иберийцев, так как это племя соединяет с ним еще природное коварство и неискренность. Ибо от этого образа жизни они приобрели склонность нападать и грабить соседей; отваживаясь только на незначительные предприятия, они не предпринимали ничего значительного потому, что никогда не собирали больших сил и не объединялись в союзы»¹ (Страбон).

«Они жестоки с преступниками и врагами, хотя по отношению к чужеземцам проявляют участливость и добропорядочность» (Диодор Сицилийский).

«Испанцы испокон веков отличались дикими нравами по причине своей ничем не ограниченной свободы и отсутствия привычки подчиняться чьим бы то ни было приказам» (Аппиан).

«Не такова Испания — она более предрасположена к войне из-за суровости своей земли и склонностей людей» (Тит Ливий).

¹ Перевод Г. А. Стратановского.

«Испания рождает самых стойких солдат; это она породила опытнейших капитанов; это она — родина плодотворных ораторов; она — земля чистоголосых певцов; она — мать судей и князей; она дала империи Траяна, Адриана и Феодосия» (Пакад).

«Это королевство — столь благородное, столь обильное, столь могучее, столь благонравное — было разрознено и загублено раздорами между соотечественниками, теми, кто скрестил клинки, словно им врагов не хватало» (Альфонс X Мудрый).

«Чтоб вассалом быть хорошим, надобен сеньор хороший» («Песнь о моем Сиде»).

«Негоже, сеньор капитан Кортес, чтобы испанские женщины разлучались со своими мужьями, идущими на войну; где полягут мужья — там и мы погибнем, и увидят индейцы: испанцы столь доблестны, что и жены их воевать умеют» (Мария де Эстрада).

«Все, что произошло со времени чудесного открытия Америки, оказалось столь экстраординарным, что эта история может показаться невероятной всякому, кто лично не принимал в ней участия. Воистину она затмевает все деяния славных наших предков, какими бы геройскими они ни были, и заставляет умолкнуть все рассказы об иных чудесах света» (Бартоломе де лас Касас).

«Лишь испанцы рождаются уже с оружием в руке — готовые вступить в бой» (Франциск I, король Франции).

«Под ударами стихий или судьбы, в нищете обнаруживают они вопреки всему большую смелость, надменность

и гордость, нежели в роскоши и благополучии»¹ (мадам д'Онуа).

«Испанец, решившись на выпад, выполняет его, не смотря ни на что, даже если этот выпад грозит ему гибелью» (Пьер де Брантом).

«Они являют собой образец, что не выглядит исключением, поскольку, будучи обыкновенно роста невысокого, они обладают таким огромным сердцем, такой силой духа, что благодаря единственно своему мужеству они стали хозяевами мира» (Хуан Пабло Мартир Рисо).

«Да увидит Ваше Превосходительство, что нет для меня ничего невозможного, ведь Господь дал мне десять пальцев на руках и сто пятьдесят испанцев» (Алонсо де Контрерас).

«Никогда прежде не приходилось нам сталкиваться с таким солдатом, как солдат испанский. Он не отступает, а стоит как скала, не теряет надежды и сдерживает натиск до тех самых пор, пока ему самому не представится возможность разгромить противника» (один шведский офицер после битвы при Нёрдлингене).

«Здесь живет и процветает тщеславие со своими неразлучными спутниками: уважением к себе и презрением к другим, желанием приказывать и никому не подчиняться, внешним блеском, бахвальством, многословием, выспренним и пустым, кичливым щегольством. И все это — сверху донизу: от аристократа и до самого последнего плебея» (Бальтасар Грасиан).

¹ Перевод А. С. Богдановского.

«Здесь мое несчастье, а не трусость, лишило меня заслуженных почестей, здесь фортуна вертела мной так и сяк, здесь затмилась мои подвиги, и здесь же окончательно закатилась моя звезда, чтобы никогда больше не взойти на небосклоне» (Мигель де Сервантес).

«Испанцы имели явное преимущество по сравнению с другими народами: на их языке говорили в Париже, в Вене, в Милане, в Турине; их моды, их образ мыслей и манеру письма подхватили лучшие итальянские умы; начиная с Карла V и до начала царствования Филиппа III Испания вызывала к себе почтение, неведомое другим народам» (Вольтер).

«Испания — единственное в мире место, где два плюс два не равно четырем» (герцог Веллингтон).

«Против меня — весь народ в двенадцать миллионов душ, разъяренных до чрезвычайности» (Иосиф I Наполеон Бонапарт).

«Все испанцы повели себя как один, преисполненный достоинством человек. Я в недостаточной степени обратил на это внимание» (Наполеон Бонапарт).

«Если бы враги Испании были иностранцами, так еще куда б ни шло. Но нет. Все, кто шпагой, пером или словом усугубляет и длит беды нации, все они — испанцы» (Амадей Савойский).

«Человечество в вечном долгу перед испанской монархией, поскольку именно множество научных экспедиций, оплаченных ею, сделало возможным расширение географических знаний» (Александр фон Гумбольдт).

«Тот, кто желает знать, до какой степени можно ослабить и разорить могущественное государство, должен изучить историю Испании» (Томас Маколей).

«В Испании вечно одно и то же: как реакционер — так настоящий, а если либерал, так того и гляди — пустышка» (Пио Бароха).

«Испанцы обречены вечно плестись за священниками — либо со свечой, либо с гарротой» (Агустин де Фокса).

«Как только в Испании возьмутся толковать о делах чести, то человека, к чести чувствительного, непременно поймет дрожь» (Мигель де Унамуно).

«Нет во всей всемирной истории деяния, сравнимого с тем, что осуществила Испания» (Рамиро де Маэсту).

«О, Испания жизни моей, / О, моей смерти Испания!» (Мигель Эрнандес).

«Испанцы ни разу не уступили ни пяди своей земли. Никогда не слышал, чтобы кто-то превзошел их в бесстрашии. Они бросают вызов смерти. Чрезвычайно храбры, стойко переносят лишения, но чудовищно недисциплинированы» (Адольф Гитлер).

«И даже опасность войны не стала универсальным клеем. Наоборот, она способствовала только тому, чтобы каждый потянул в свою сторону» (Мануэль Асанья).

«Если бы боевой клич „Вперед, Испания!“ (...) позаимствовали воины с другой стороны, то их шансы на победу бесконечно увеличились бы только вследствие этого простого поступка» (Грегорио Мараньон).

«Испанец, не побывавший в Америке, не знает, что такое Испания» (Федерико Гарсия Лорка).

«Моральный бунт масс наряду с ненавистью к лучшим и нехваткой последних, на мой взгляд, выступили главной причиной нашей национальной катастрофы»¹ (Хосе Ортега-и-Гассет).

«Зависть испанца — это не желание иметь такой же автомобиль, как у соседа, а желание, чтобы у соседа автомобиля не было» (Хулио Камба).

«В те времена наша родина оказалась всего в двух шагах от реализации своей законотворческой мечты: чтобы каждый испанец носил у себя в кармане документ с одним-единственным пунктом, сформулированным кратко, ясно и сокрушительно: „Испанец, податель сего, уполномочен делать все, что ему заблагорассудится“» (Анхель Ганивет).

«Испания — страна феноменальная, с замечательной историей творчества, инноваций, непрерывности проекта... Самая понятная страна Европы — только вот люди упорно отказываются ее понимать» (Хулиан Мариас).

«Это непонятное место, где разноплеменные народы смешали воедино свои наречия, свою кровь, свои несбывшиеся мечты. Эти подмостки, на которых разыгрывается чудесное и трагическое действие, которые мы называем Испанией»² (Артуро Перес-Реверте).

¹ Перевод А. Б. Матвеева.

² Перевод А. С. Богдановского.

Земля кроликов

Жила-была в стародавние времена прекрасная шкура быка, напоминающая очертаниями Испанию, и звалась она Исхафан, что означает, ну, или означало: «земля кроликов», — клянусь вам, слово обозначало именно это. И была она населена сотней племен, каждое из которых говорило на своем языке и жило на свой манер. Даже хуже: при каждом удобном случае они выпускали друг другу кишки, а в альянсы между собой вступали исключительно с целью расколошматить соседа, который выглядел послабее, но выделялся при этом завидными урожаями и стадами или же мог похвастаться красотой женщин, статью мужчин и роскошью хижин. Будь ты кантабром, астуrom, бастетаном, мастиенном, илергетом, или кто там еще под руку попадется, но если дела у тебя шли неплохо — этого было вполне достаточно, чтобы парочка твоих менее удачливых соседей-племен сбилась гуртом и прошлась по тебе с камнем, бронзой или железом в руке, в зависимости от той доисторической эпохи, что стояла на дворе. Зависть и злоба уже в те далекие времена являлись фирменным знаком данной территории, что нашло свое отражение в самых древних текстах, нас упоминающих. Исхафан, как я уже сказал.

Другими словами, оно самое. В общем и целом вся эта банда двуногих животных, довольно резво плодящихся, как было установлено уже сильно позже, может быть разделена на две большие этнические группы: иберы и кельты. Первые были низенькими, смугленькими и более удачливыми по части солнца, полезных ископаемых, сельского хозяйства, пляжей, заморского туризма со стороны финикийцев и греков, а также других представляющих интерес факторов экономики. Кельты же, напротив, были блондинами, отличались большей свирепостью и зачастую бедностью. Данную проблему они решали, совершая набеги на южные территории — в первую очередь, естественно, с целью наладить более тесные связи с иберами. Последние, не будучи такими буйными, как блондины с верхней части Полуострова, имели-таки свой южный пунктик и свои исконные пристрастия (вспомним, например, Даму из Эльче). Иберы, натурально, относились к визитам своих северных соседей с неудовольствием и зачастую отвечали им тем же. Так что в те промежутки времени, которые оставались у них свободными от реализации внутренних, промеж себя, планов по взаимному уничтожению, иберы и кельты переносили эти занятия вовне, то бишь друг на друга, безо всяких там комплексов и прочих сложностей. Метода эта в немалой степени облегчалась мечом самого что ни на есть местного происхождения по имени фальката. Это было настоящее чудо-оружие, выкованное из железа, — Диодор Сицилийский охарактеризовал его как великолепное, — которое в умелых руках резало, словно опасная бритва. А также, что, собственно, от него и требовалось, предоставляло иберам, кельтам и остальным участникам той честной компании все возможности для захватывающей групповой терапии и прекрасных коллективных экспериментов в хирургии — резни по живому и без наркоза. (Глядя в будущее, отметим, что чрезвычай-

но символично вот что: первая вещь местного производства, перевозимая греками и римлянами, оказалась холодным оружием.) А поскольку в те давние времена Полуостров наш был столь густо покрыт лесами, что белка пробегала по нему из конца в конец, прыгая с ветки на ветку, все эти шумные рейды, выпускания кишок при помощи фалькаты и другие социальные мероприятия могли осуществляться в тени, что немало способствовало как их успеху, так и соответствующим желаниям. В общем, весьма мотивировало. В любом случае следует признать, что в искусстве протыкать шкуру — свою или же чужую — что иберы, что кельты, а позднее и те кельтиберы, что стали результатом романтических набегов либо с верха бычьей шкуры, либо с ее низа, были настоящими виртуозами. Для них, свирепых и отчаянных до дури, жизнь собственная или чужая в буквальном смысле стоила не больше того, что называется словом на три буквы. По свидетельствам летописцев той эпохи, наши прадеды умирали, убивая сами, когда их громили в бою, и распевая песни, когда их распинали. Кроме того, они осуществляли коллективный суицид, когда погибался вождь их племени или проигрывала их футбольная команда, а их женщины, вступая в разборки, не гнушались оружием. Так что, окажись ты их врагом и попади им в руки, они тебя... Короче, лучше было туда не попадать. А если уж эти ангелоподобные существа обоего пола заливали в себя по несколько литров каэлии, то бишь пива той эпохи, то тут уж я вообще молчу. Только представьте себе выпивоны на свежем воздухе, что закатывали мои кузены. И кузины. Что же касается религиозных практик, то, естественно, в условиях отсутствия (пока еще) церковных пастырей, что пасли бы их души, запрещающая совокупление, презервативы и аборт, отсутствия (пока еще) мобильного телефона, музыкального шоу «Опе-

рация „Триумф“¹ и совместного исполнения «Спаси и сохрани» с пеной у рта, они поклонялись рекам, горам, лесам, луне и тому подобному. И вот такой предстает пред нами, плюс-минус век, панорама земли кроликов в те времена, когда, лет за восемьсот до того момента, как Святой Дух, прикинувшись голубем, посетил Деву Марию, некие моряки и купцы, похожие на пиратов до степени смешения и называемые финикийцами, переправились через Средиземное море и высадились на берег. И привезли с собой две вещи, что обретут в Испании далеко не одинаковые популярность и судьбу: деньги (успех большой) и алфавит (меньший). Не кто иной, как те же финикийцы, организовали на рынке недвижимости пузырь, скупив собственность на побережье и опередив тем самым британских пенсионеров и симпатичных русских мафиози, которые отплясывают теперь вместе с птичками² в Бенидорме. Но о финикийцах, греках и других подобных им народах мы поговорим в следующей главе. Или нет.

¹ Телешоу и конкурс, аналог известного российскому телезрителю музыкального шоу «Голос».

² Аллюзия на композицию «Птичкам – танцевать» Гонсало Ферреро из альбома «Песенки с фермы».

Рим нас грабит

Как мы уже упомянули, греки и финикийцы сунули свой нос на берега Гишпаниии, глянули на обитателей центральной части (если уж мы сегодня выглядим так, как выглядим, то только вообразите, какими были в те допотопные времена жители Вильяилергете-дель-Аревако¹ — с этими нашими беретами, посохами, фалькатами и всем прочим) и сказали: «Ну уж нет, спасибочки, мы останемся здесь, на пляже, туристами, с шахтами и всякими разными коммерческими предприятиями, а вот то, что в середине, пусть колонизирует моя теща, если у нее яйца есть». И яйца или, по крайней мере, что-то похожее обнаружилось у чуваков, которые, что верно, то верно, приходились финикийцам родственниками — двоюродными братьями. «Айда сюда, получите все на халяву», — сказали им финикийцы, едва сдерживая смех, — родственнички звались карфагенянами, потому что жили буквально в двух шагах, в Карфагене, в нынешнем Тунисе то бишь, ну, или где-то поблизости. Ну и лады. И вот, значит, повалили карфагеняне, да целыми

¹ Город на северо-востоке полуострова, где до прихода римлян жил иберийский народ илергетов (от реки Ибер к северо-востоку до Пиренеев и к юго-востоку до современной Лериды).

толпами, — города основывать: Ибицу, Картахену и Барселону (последняя была основана Гамилькарком Баркой, известным в качестве автора знаменитого изречения: «Рим нас грабит»). Поначалу, не без этого, случилось несколько стычек с кое-какими кельтиберскими вождями, в частности с Истоласием, Индортом и Орисоном, которые были должным образом разгромлены и распяты; это между делом, потому как там каждый либо действовал сам по себе, либо же вступал в союз с карфагенянами ровно на то время, которое требовалось, чтобы расколошматить соседнее племя, а потом: «Если я тебя и видел, то уж и не вспомню» (сдается мне, что эти слова принадлежат Полибию). Так что пришельцы из Карфагена разрушили несколько городов: Бельчите, который звался Геликой, и Сагунт, который звался точно так же, как и сейчас, и процветал так, что только держись. Закавыка была в том, что Сагунт, бывшая греческая колония, находился в то время в союзе с римлянами: этими индюками, которые как раз в те времена — в III веке до Рождества Христова, возьмите себе на заметку — начинали на Средиземноморье строить из себя боевых петухов. Ну и — ясное дело. Завязалась славная заварушка — с войной и всем прочим, что полагается. Но этого было мало, и, чтобы жизнь никому малиной не казалась, случилось вот что: на сцену вышел сын Гамилькара, который звался Ганнибалом и был крив на один глаз, а что касается Рима, то его он видеть не мог и здоровым глазом, то есть даже на фото. Судя по всему, его с раннего детства заставляли смотреть по телику «Камо грядеши?»¹ каждую Святую неделю, ну или что-то в этом роде, а кончилось дело тем, что несчастное дитя поклялось в своей вечной ненависти к римлянам. Так что, сравнив с землей Сагунт, он

¹ Исторический фильм режиссера М. Лероя (1951), который испанское телевидение традиционно показывает во время пасхальных каникул сразу по нескольким каналам.

собрал такую армию, что на нее и смотреть-то страшно было — с нумидийцами, слонами и жестокими катапультами, которые пулялись дисками Маноло Эскобара¹. Кроме того, выкликнув лозунг: «Встань под знамена Ганнибала — и увидишь мир», он набрал тридцать тысяч кельтиберских наемников, перешел Альпы (это был первый выход за границу испанской рабочей силы высокой квалификации) и пошел гулять по Италии, раздавая тумачи налево и направо. Вишенкой на торте стало то, что благодаря кризисе Ганнибала наши балеарские пращники, всадники и разные другие драчуны, предшественники солдат терций во Фландрии и испанской сборной, приняли участие во всех тех взбучках, которые он задал римлянам прямо у них дома. А некоторое количество таковых набралось: битвы при Тицине, Трербии, на Трасименском озере и — финал кубка — Канны. Самая зрелищная потасовка, где перемололи около пятидесяти тысяч воинов противника — ну, римлянином больше, римлянином меньше. Штука-то была в том, что после этого — нет чтобы отправиться прямиком по Аппиевой дороге до Рима и добить эту историю — Ганнибал со всем своим воинством, в составе которого были и испанцы, остался на месте — предаваться пороку, неге и сладострастию, поддаваться своевольным римлянкам, беспутным привычкам и другим в строку приходящимся грехам. И вот значит, пока гоняли они лодыря в Италии, один вражеский генерал, по имени Сципион, высадился исподтишка на берег Испании, в аккурат во время сиесты, и ударил им в тыл. После чего взял Картахену, в высшей степени осложнив жизнь кривому; и до того Сципион ему жизнь осложнил, что Ганнибал, вернувшись на север Африки, оказался разбит в сражении при Заме, после которого и покончил с собой, чтобы не попасть во

¹ Испанский поп-певец и актер, автор около 80 дисков, 35 из которых — золотые.

вражьей руки — из чувства стыда истинного тореро. И тем самым избавился от необходимости предстать в выпуске теленовостей вместе с карпетанами, кантабрами и мастиенами, которые раньше, когда он сражения выигрывал, аплодировали ему как сумасшедшие, а теперь толпились в суде — то и другое в высшей степени типичное для кельтиберов поведение, — наперебой обзывая его трусом и ворюгой. Суть же в том, что Карфаген был в хлам разрушен, и Рим принялся натягивать на себя всю Испанию. Не имея, естественно, ни малейшего понятия, во что влезает. Потому как если Галлию Юлий Цезарь, со всем своим неопровержимым позерством в духе Астерикса и Обеликса, завоевал за девять лет, то на Испанию римляне угрохали двести. Прикиньте сами — смех, да и только. А стараний-то сколько! Но это в порядке вещей. Здесь никогда не было отчизны, только отцы-предводители (об этом пишет Плутарх в биографии Сертория). По одному в каждом городке: Индибилис, Мандоний, Вириат. Короче, понятно: такую компанию приходилось отправлять на тот свет по очереди, одного за другим. А на это даже столь организованному народу, как римляне, как-никак время требуется.